

Шуай Чан посмотрел на время — уже семь часов. Он встал, чтобы умыться. Взглянув в зеркало во время чистки зубов, он на мгновение замер, пораженный тем, насколько чужим кажется ему собственное отражение, но тут же взял себя в руки и продолжил процедуру.

Духовный сгусток, почувствовав неладное, обеспокоенно спросил:

— Что с тобой?

Шуай Чан наклонился над раковиной, зачерпнул пригоршню холодной воды и плеснул в лицо.

— Только что на секунду перестал понимать, кто я — Инь Хайдун или Шуай Чан. Почему я ношу чужое лицо... Ничего, я справлюсь, не волнуйся.

Духовный сгусток отозвался:

— Понимаю, при первом задании всегда бывает нелегко. Я верю, что ты справишься.

Шуай Чан достал из холодильника хлеб, джем и молоко, закинул ломтики в тостер и нажал кнопку.

Когда он вернулся в спальню за телефоном, было уже семь тридцать. Фань Лоцзя всё ещё спал, его щеки на утреннем солнце казались совсем розовыми. Шуай Чан поймал себя на мысли, что парень на удивление мил.

Он позвонил Юй Лили, чтобы договориться об уроках актерского мастерства для Фань Лоцзя на вторую половину дня, а после разговора подошел к кровати и присел на корточки, поравнявшись лицом с Фань Лоцзя. Глядя на спящего, он внезапно решил немного пошалить: протянул два пальца, зажал Фань Лоцзя нос, а другой рукой плотно прикрыл ему рот.

Фань Лоцзя, лишившись воздуха, начал во сне мотать головой, пытаясь спастись, но хватка Шуай Чана была крепкой, и ему ничего не оставалось, как проснуться.

Заметив, что тот медленно открывает глаза, Шуай Чан тут же убрал руки, чтобы его не разоблачили.

— Лоцзя, вставай, — мягко позвал он.

Фань Лоцзя с трудом разлепил глаза, но, не выдержав яркого света, тут же зажмурился снова. Шуай Чан воочию наблюдал, как тот мгновенно проваливается обратно в сон.

Шуай Чан: «...»

Он беспомощно покачал головой:

— Ну ты и соня, настоящий поросенок.

Он откинул одеяло, положил руки на плечи Фань Лоцзя и медленно подтолкнул его, заставляя сесть. Фань Лоцзя что-то пробормотал и принялся тереть глаза. Через некоторое время он наконец опустил руки, и из-под них показались живые, блестящие черные глаза.

— Брат Хайдун, — Фань Лоцзя прикрыл рот рукой и зевнул.

Шуай Чан стоял у него за спиной, поэтому Фань Лоцзя не видел его и позвал просто по привычке.

— Наш маленький поросенок соизволил проснуться? — с улыбкой в голосе произнес Шуай Чан у него за спиной.

Фань Лоцзя от неожиданности широко раскрыл глаза и обернулся:

— Брат Хайдун, почему ты позади меня? Напугал до смерти!

Он думал, что в спальне никого нет, и сам же испугался своего голоса.

Шуай Чан виновато поднял руки:

— Пытался тебя разбудить. Ты лег не поздно, восемь часов проспал, в семь уже должен был встать. Почему ты такой измотанный?

Под глазами у Фань Лоцзя залегли легкие тени, веки слегка покраснели, а в уголках глаз блестели слезы от зевков.

— Разве? Просто сон был плохой, просыпался несколько раз за ночь, вот и не выспался.

Прошлым вечером Фань Лоцзя осознал свои чувства к Инь Хайдуну и теперь терзался сомнениями: что, если чувства Инь Хайдуну не так глубоки, как его собственные? Он долго размышлял, ворочаясь, а когда посмотрел на телефон, было уже два часа ночи.

Он злился на самого себя, повернул голову и увидел, что Инь Хайдун спит в безупречной позе: руки сложены на животе, дыхание ровное. Он решил подражать ему, вытянулся стрункой на краю кровати и стал дышать в такт. К его удивлению, он быстро уснул, но вот поза, в которой он проснулся... Почему он сидит?

— Брат Хайдун, это ты меня посадил? — прищурившись, спросил Фань Лоцзя.

Шуай Чан, не моргнув глазом, соврал:

— Я подошел, а ты, кажется, видел кошмар, вскрикнул и резко сел. Я испугался, что ты упадешь, и придержал тебя сзади.

Он посмотрел на него с таким укором, что Фань Лоцзя вдруг почувствовал себя виноватым.

— Брат Хайдун, я совсем не то имел в виду, — поспешно начал оправдываться Фань Лоцзя. Неужели ему и правда снился кошмар? Почему он ничего не помнит?

Шуай Чан слегка приподнял подбородок:

— А что ты имел в виду?

— Я хотел сказать, что когда я сел, а потом начал заваливаться, это ты меня подхватил, чтобы я не упал, — выпалил Фань Лоцзя. Ради того, чтобы любимый был доволен, у него совсем не осталось принципов.

Шуай Чан удовлетворенно кивнул:

— Завтрак готов, вставай скорее.

Он подошел к нему, легонько растрепал волосы и пригладил торчащий вихор.

Выйдя из спальни, Шуай Чан наконец позволил себе улыбнуться. Наивный вид Фань Лоцзя хотелось лицезреть снова и снова. Шуай Чан чувствовал, что становится всё более «плохим» — если представить, как Фань Лоцзя будет «обиженно» хныкать, когда он его «дразнит»... пожалуй, быть «плохим» того стоит.

Спустившись вниз, он вынул из тостера слегка подрумянившийся хлеб, разложил по двум белым тарелкам и принялся не спеша намазывать джем. Когда Фань Лоцзя спустился, он застал его за этим занятием и решил, что тот создает произведение искусства.

— Брат Хайдун.

Фань Лоцзя отодвинул стул напротив Инь Хайдуна и сел.

Шуай Чан на мгновение поднял на него взгляд. Пряди волос на лбу Фань Лоцзя были влажными, глаза тоже блестели, и он неотрывно смотрел на хлеб с джемом в руках у Шуай Чана.

— Любишь клубничный? — спросил Шуай Чан, быстро намазал ломтик и протянул ему.

Фань Лоцзя растерянно взял хлеб, откусил кусочек и счастливо прищурился:

— Очень вкусно.

Шуай Чан рассмеялся:

— Похоже, звать тебя поросенком уже нельзя. Нужно называть тебя свинкой, милой маленькой свинкой.

Фань Лоцзя в притворном гневе уставился на него, опустил голову и густо покраснел. Маленькая свинка — это же так стыдно, боже мой!

Но ему так это нравилось.

Фань Лоцзя было двадцать один, он родился в год Свиньи. Невольная шутка Шуай Чана идеально легла на девичьи (в данном случае — юношеские) мечты Фань Лоцзя.

Завтрак прошел в нежной, почти трепетной атмосфере. Фань Лоцзя хотелось немедленно во всем признаться, но он впервые так сильно кого-то полюбил, и даже понимая, что перед ним его законный муж, он не решался начать разговор из-за охватившего его волнения.

— После еды нельзя сидеть, пойдем прогуляемся, — сказал Шуай Чан, убирая посуду в посудомоечную машину, и поднялся вверх.

Он выбрал легкие куртки для себя и для Фань Лоцзя. Спустившись, он протянул одну ему. Только надев их, они заметили, что куртки абсолютно одинаковые, различались лишь размеры.

Фань Лоцзя, следуя за Инь Хайдуном, украдкой взял его за руку. Увидев, что тот не отстранился, Фань Лоцзя радостно запрыгал.

Брат Хайдун специально выбрал парные вещи? Значит ли это, что он любит его так же сильно?

Фань Лоцзя довольно улыбался.

Дома в поселке стояли на большом расстоянии друг от друга, и за полпути, пройденного по гладким каменным дорожкам, они не встретили ни души.

Легкий ветерок приятно охлаждал кожу, утреннее солнце еще не успело как следует припечь и грело очень мягко. Шуай Чан воспринимал Фань Лоцзя как младшего брата, поэтому держаться за руки казалось ему чем-то естественным.

— Сценарий к «Песне о долгой дороге» скоро привезет помощница Юй. Ознакомься с ним, а во второй половине дня я устроил для тебя занятия с преподавателем, думаю, это будет полезно.

При таланте Фань Лоцзя, стоило учителю дать лишь пару советов, как он наверняка поразит всех на площадке. А тогда будет куда проще договориться с режиссером о расширении роли.

Фань Лоцзя остановился и поднял взгляд на Инь Хайдуна. Солнце за спиной того разгоралось всё ярче, и черты лица Инь Хайдуна начали расплываться.

— Почему? — пробормотал он.

Шуай Чан нахмурился:

— Что почему? — Вроде бы он не говорил ничего сложного.

— Почему ты... так добр ко мне? — Может, потому что я тебе нравлюсь?

К сожалению, Шуай Чан не дал того ответа, который хотел услышать Фань Лоцзя.

— Потому что ты моя маленькая свинка. Такой милый, к кому еще быть добрым, как не к тебе?

Шуай Чан ответил, но Фань Лоцзя всё еще смотрел на него с таким видом, будто хотел докопаться до самой сути. Пришлось просить помощи у духовного сгустка.

Шуай Чан: «Как ответить на вопрос почему, чтобы это звучало правильно?»

Духовный сгусток: «Потому что это любовь».

Шуай Чан: «...»

Забудь, лучше не спрашивать духовный сгусток.

— Пойдем, помощница Юй скоро будет, пора домой, — Шуай Чан сменил тему, взял Фань Лоцзя за руку и потянул вперед.

Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву, играли на их лицах. Фань Лоцзя послушно шел следом, и от фразы Инь Хайдун «пойдем домой» на душе стало чуточку легче.

Он был жизнерадостным парнем, но, столкнувшись с любовью впервые, не мог не тревожиться. Как бы хорошо Инь Хайдун к нему ни относился, ничто не могло бы сделать его счастливее, чем простое «я тебя люблю».

Но наш прямолинейный Шуай Чан... еще не переключился. Он относился к Фань Лоцзя как врач к пациенту или учитель к ученику: заботы и тепла было в избытке, но ничего большего.

Они молча вернулись домой. Юй Лили уже стояла у двери, нажимая на звонок. Увидев их, она поспешила навстречу и протянула Фань Лоцзя папку:

— Господин Фань, вот ваш сценарий.

Фань Лоцзя взял его и ослепительно улыбнулся:

— Спасибо, помощница Юй, извините, что заставили вас ехать специально.

— Что вы, что вы, это моя работа, — Юй Лили замахала руками.

Будучи женщиной рассудительной и деловой, она уже второй раз теряла самообладание перед Фань Лоцзя. И дело было не только в том, что она была его фанаткой (она давно запомнила его, а теперь, узнав о его возвращении в индустрию, конечно же, начала болеть за него заранее), но и в том, что Фань Лоцзя, скорее всего, был ее будущей хозяйкой.

Юй Лили была уверена, что она единственная в компании, кто знает об этом романе. Стоило ей представить, что она может стать правой рукой будущей супруги босса и взлететь по карьерной лестнице, как ее переполнял восторг.

— Изучай внимательно, после обеда придет учитель. На улице сухо, не забудь пить больше воды, — Шуай Чан закончил наставления и потрепал Фань Лоцзя по темным волосам. — Никаких почему, ты достоин самого лучшего, — серьезно добавил он.

Фань Лоцзя замер, осознав, что это ответ на его вопрос. Он снял руку Инь Хайдуна со своей головы, легко поцеловал ее и с облегчением улыбнулся:

— Я понял. Удачи на работе, до вечера.

Юй Лили, ставшая свидетельницей нежности между своим боссом и его супругом, окончательно утвердилась в решении держаться поближе к Фань Лоцзя.

Почему не к Инь Хайдуну? Да потому что тот слишком властный и холодный, к нему и не подступишься. Фань Лоцзя выглядел открытым и милым, куда более мягким, чем босс. Если уж искать покровителя, то выбор очевиден.

Шуай Чан проводил Фань Лоцзя взглядом, пока тот не скрылся в доме, и повернулся к Юй Лили:

— Поехали.

Без Фань Лоцзя рядом Юй Лили моментально вернулась к деловому тону и четко перечислила все встречи и мероприятия Инь Хайдуна на сегодня. Шуай Чан слушал, кивая.

Корпорация Инь инвестировала в два новых сериала, съемки которых начинались сегодня, и как владелец он обязан был присутствовать на церемонии открытия.

Приехав в компанию, он сначала собрал руководство, чтобы обсудить инвестиционную стратегию. Недавний малобюджетный фильм, выпущенный компанией, показал отличные кассовые сборы, режиссер получил национальную премию, а актеры-новички в одночасье перешли в разряд востребованных артистов. Инь Хайдун, как основной инвестор, получил огромную прибыль.

После совещания Шуай Чан без промедления отправился на церемонию запуска исторического шпионского сериала. Он успел к назначенному часу, вместе с режиссером и актерами возжег благовония и сразу же поехал на следующую площадку.

Там снимали деревенскую комедию о любви, а местом съемок выбрали живописную деревушку

с речкой и лесом.

Дорога была неровной и ухабистой. Выйдя из машины, Шуай Чан жадно вдохнул свежий воздух, его лицо было бледным и холодным, как лед.

Режиссер подбежал к нему с широкой улыбкой, готовый заговорить, но, увидев, что Инь Хайдуна укачало и он выглядит так, словно к нему лучше не приближаться, покорно отступил.

Юй Лили принесла стакан горячей воды. Шуай Чан медленно выпил ее, успокаивая бушующий желудок, и краска постепенно вернулась к его лицу.

Режиссер поспешил представиться и кратко изложить сюжет. Сериал назывался «Мужчина и собака» и рассказывал о чистой любви в сельской местности в девяностые годы.

После доклада оставалось полчаса до начала церемонии. Увидев, что вокруг много деревьев, а вода в реке чистая, Шуай Чан решил прогуляться.

Он отказался от сопровождения Юй Лили и пошел вдоль берега. Легкий ветерок, деревья, пение птиц — всё было так прекрасно.

— Хайдун.

Из-за ствола дерева вышел мужчина. Стройный, в белой рубашке и джинсах — простой наряд, но на нем он смотрелся по-особенному. Это был Шэнь Юньцин.

Шуай Чан нахмурился:

— Что ты здесь делаешь?

Шэнь Юньцин не обратил внимания на его холодность, улыбнулся и подошел ближе. Его глаза сияли, он был похож на прогуливающийся лотос — прекрасный и чистый.

— Сестра Сиси помогла мне получить небольшую роль. Ты же знаешь, у меня нет опыта, приходится начинать с малого, — прошептал он с легкой грустью в голосе.

Шуай Чан кивнул:

— Понятно.

И пошел дальше.

Шэнь Юньцин с недоверием смотрел на его удаляющуюся спину:

— Хайдун... — его губы, похожие на лепестки цветов, слегка дрогнули.

Шуай Чан не испытывал ни малейшего интереса к Шэнь Юньцину — тому самому человеку, в которого был тайно влюблен настоящий Инь Хайдун.

Мужчина из знатной семьи, который, едва попав в индустрию развлечений, тут же научился пользоваться связями... А он возьмет и не даст ему такой возможности.

Вернувшись с прогулки, он увидел, что режиссер, актеры и персонал уже на местах. Шуай Чан подошел, режиссер лично зажег благовония и двумя руками передал их ему.

Шэнь Юньцин, будучи лишь актером второстепенной роли, стоял поодаль, не смея приблизиться, и с тоской смотрел на спину Инь Хайдуну.

Ведь вчера еще всё было хорошо... Почему Инь Хайдун стал таким холодным? Он не придал значения вчерашним намекам, думая, что Инь Хайдун просто играет в «кошки-мышки», но сегодня, когда он попытался подойти, Инь Хайдун даже не захотел с ним разговаривать.

Шэнь Юньцин, пробивающийся в шоу-бизнесе в одиночку, встретил друга детства и заметил, что Инь Хайдун не только не отвергает его, но и словно заигрывает. Несмотря на то, что внешне он был хрупким, как девушка, внутри он был настоящим мужчиной. Чтобы закрепиться в индустрии, он терпел дискомфорт и заигрывания Инь Хайдуна... Неужели тот узнал, что на самом деле его привлекают женщины?

После церемонии у Шуай Чана больше не было дел. Вскоре его ждала видеоконференция, и чтобы не терять настрой, он решил провести ее здесь же, прежде чем уехать.

— Хайдун, послушай, я всё объясню!

Шуай Чан только хотел сесть в машину, как дорогу ему преградил Шэнь Юньцин.

Шуай Чан посмотрел на него равнодушно:

— Объяснения не нужны. Я знаю, чего ты хочешь.

— Нет, нет, не так! — Шэнь Юньцин схватил его за рукав и отчаянно замотал головой. Слезы градом покатились по его фарфорово-белым щекам, оставляя мокрые дорожки. — Хайдун, выслушай меня, умоляю.

Шэнь Юньцин закрыл глаза, словно не в силах вынести удара судьбы и столкнуться с реальностью.

Шуай Чан, устав от этой сцены, перестал поддерживать маску вежливости. Он с силой выдернул руку, жестом приказал Юй Лили оттащить Шэнь Юньцина и с холодным лицом сел в машину.

Усевшись на сиденье, он посмотрел на складки на рукаве, оставшиеся от пальцев Шэнь Юньцина, и почувствовал сильное раздражение.

Юй Лили, остолбеневшая от увиденного, поняла, что проявила слабость, и, увидев знак Инь Хайдуна, тут же подбежала к Шэнь Юньцину:

— Юньцин, господин Инь злится, приди в себя! — прошептала она ему на ухо.

Шэнь Юньцин перестал сопротивляться. Его лицо было мокрым от слез. Он поднял голову, пытаясь сдержать рыдания, и в этот момент выглядел особенно трогательно.

— Сестра Лили, я... — он не мог вымолвить ни слова из-за подступившего к горлу кома.

Юй Лили погладила его по худой спине:

— Не торопись, говори медленно. Ты только подписал контракт с компанией, ни в коем случае не зли господина Инь. Если тебя внесут в черный список, всё будет кончено.

Юй Лили повидала в индустрии немало таких, как Шэнь Юньцин, которые думали, что красота поможет им получить всё, но в итоге оставались ни с чем.

Раньше Шэнь Юньцин часто общался с Инь Хайдуну, и Юй Лили ошибочно полагала, что это взаимная любовь. Любая сделка, завернутая в обертку любви, кажется благородной. Она даже завидовала удаче Шэнь Юньцина, но кто бы мог подумать, что всего за один день у супруга босса сменится лицо, и те, кто полагался на внешность, останутся у разбитого корыта.

— Сестра Лили, ты ведь знаешь причину, правда? Умоляю, скажи мне, и я успокоюсь, больше не буду докучать Хайдуну.

При упоминании имени Инь Хайдуну сердце Шэнь Юньцина пронзила острая боль. Он смотрел перед собой невидящим взглядом, и из глаз покатилась слеза. Оказывается, он уже успел влюбиться в Инь Хайдуну, поэтому ему так больно, словно он умирает.

— Даже ради дружбы детства он не должен быть таким жестоким. Кто-то что-то сказал, да? Кто это? Кто рассорил нас?

Юй Лили, глядя в безумные глаза Шэнь Юньцина, медленно покачала головой:

— Я не знаю.

— Сестра Лили... — Шэнь Юньцин не мог поверить, что та, кто всегда его поддерживал, переметнулась на другую сторону.

— Юньцин, не думай об этом. Лучше оттачивай мастерство. С твоей внешностью через три года ты точно станешь звездой.

Сейчас в моде изящные красивые юноши, и если Шэнь Юньцин дебютирует в группе, успех вполне возможен.

Потеряв и легкий путь к славе, и любовь, Шэнь Юньцин был раздавлен, но всё же постепенно успокоился. Он упрямо стоял на месте, не желая уходить.

У Юй Лили разболелась голова. Она ни за что не скажет правду о Фань Лоцзя. Упорство Шэнь

Юньцина начало ее раздражать. Изначально корыстный, он даже не состоял в отношениях с боссом, а уже так скандалит. Юй Лили была рада, что Инь Хайдун сделал правильный выбор и выбрал Фань Лоцзя, а не двуличного Шэнь Юньцина.

— Юньцин, иди быстрее, фотосессия! — позвали его издалека.

Шэнь Юньцин замер. Он не хотел отпускать Инь Хайдуна, но и шанс для пиара упустить не мог.

— Иди скорее, ты такой красивый, а вдруг после этой фотографии прославишься? Когда ты станешь достаточно сильным, сможет ли господин Инь отказать? — Юй Лили посеяла в его сердце семя надежды.

Шэнь Юньцин прислушался, решив, что это разумно, и, оглядываясь, наконец ушел.

Шуай Чан, казалось, всё это время следил за ситуацией снаружи: как только Шэнь Юньцин отошел, он опустил стекло и позвал Юй Лили.

Та села на пассажирское сиденье и украдкой наблюдала за Инь Хайдуном в зеркало заднего вида. Он массировал переносицу, выглядя очень уставшим — интересно, из-за Шэнь Юньцина ли?

Шуай Чан закрыл глаза, чтобы отдохнуть. Впереди еще была долгая дорога по сельской местности, и без восстановления сил он просто не выдержит.

А вот Юй Лили, несмотря на хрупкий вид, перенесла дорогу легко. Шуай Чан с завистью взглянул на нее.

Физическая усталость привела к тому, что эффективность работы Шуай Чана резко упала. Он не только не смог выкроить время на обед, но и задержался на работе до позднего вечера.

Боясь, что Фань Лоцзя будет волноваться, он позвонил ему.

— Алло, брат Хайдун? — голос Фань Лоцзя сразу снял с Шуай Чана часть усталости.

<http://bllate.org/book/22165/2308978>